

Распахнув дверь, Вэй Шаньцюэ мгновенно почуял неладное. Воздух в комнате едва заметно переменялся.

Кто-то здесь побывал.

А ведь он строго-настрого приказал агентам Восточного цеха никого не впускать.

«Наконец-то не выдержали?»

У подножия горы медленно остановился богато украшенный экипаж. Свободного места вокруг почти не осталось: повсюду теснились повозки, из которых под присмотром кучеров выходили в основном женщины.

Из прибывшей кареты показались двое. Мужчина, облачённый во всё чёрное, хранил суровое молчание; сопровождавшая его барышня в нежно-розовом платье казалась на его фоне хрупкой и очаровательной.

— Говорят, здешние обереги творят настоящие чудеса, — кокетливо улыбнулась девица. — Поднимемся — проси от всего сердца, понял?

Стоявшая на входе стража давно привыкла к подобным речам — очередные паломники, приехавшие издалека, прослышав о славе храма. Один из охранников шагнул навстречу и вежливо преградил путь:

— Барышня, Зал Радости принимает только женщин. Вашему спутнику придётся подождать у подножия горы.

— Ах, как жаль... А я-то надеялась, что он понесёт меня на руках до самой вершины, — розовая девица шутливо надула губы и бросила на кавалера притворно-капризный взгляд. — Ладно, сегодня так и быть, пощажу тебя.

Мужчина, несмотря на холодный и неприступный вид, проявил удивительное терпение:

— Спустишься — донесу до повозки.

Страж поспешил угодливо согнуться в поклоне:

— Какое редкое согласие! Сразу видно — любящие супруги. Наш талисман лишь укрепит ваш союз.

— А ты речист, — хмыкнула барышня и щедрым жестом бросила стражу серебряный слиток.

Поймав серебро, охранник расплылся в ещё более подобоострастной улыбке.

Слегка приподняв подол, гостя грациозно зашагала вверх по каменным ступеням. Её спутник же развернулся и направился к экипажу, чтобы переждать время там.

Страж проводил взглядом ещё нескольких паломниц, обменялся с ними парой фраз и вновь посмотрел на тропу. Розовый силуэт щедрой барышни всё ещё виднелся на склоне.

По сравнению с остальными женщинами она казалась необычайно высокой. Впрочем, рядом с тем богатырём они смотрелись на редкость гармонично.

Зал Радости, примостившийся на самой вершине, оказался совсем небольшим. В главном помещении вовсю щебетали паломницы, усердно обмахиваясь шёлковыми веерами и платками.

— До чего же тяжело подниматься...

— И не говори, ноги подкашиваются. Хорошо хоть, сегодня не так печёт.

— Как представляю, что ещё и спускаться обратно, выть хочется.

Розовая девица, искусно пряча движения под длинными пышными юбками, слегка присогнула колени, чтобы скрадывать свой рост и не привлекать лишнего внимания.

Каждая из пришедших опускала в ящик для пожертвований монеты или серебро — кто сколько мог, от нескольких медных грошей до пары лянгов. Когда очередь дошла до госты в розовом, она безмятежно скользнула ладонью в рукав и опустила в прорезь вексель на сто лянгов.

Среди толпившихся женщин пронёсся удивлённый шёпот:

— Целых сто лянгов!..

— Вот так щедрость!

— Лицо незнакомое. Должно быть, богатая наследница из какой-нибудь дальней провинции, прослышавшая о нашем храме.

Монахини Зала Радости обменялись быстрыми, понимающими взглядами. Стоило барышне забрать заветный бумажный оберег и повернуться к выходу, как к ней бесшумно приблизилась одна из прислужниц и тихо шепнула:

— Юная госпожа, постойте. Наша Глава Зала желает побеседовать с вами с глазу на глаз.

Девицу проводили во внутренние покои. Там, на невысоком возвышении, чинно восседала женщина в серой даосской рясе. Её лицо лучилось кротостью и благочестием — это была сама Глава Зала Радости.

— Дитя моё, ты проделала долгий путь, — мягко заговорила хозяйка покоев. — Твоё чистосердечное подношение доказывает, что в твоей душе живёт глубокая, трепетная любовь к избраннику.

Гостья застенчиво потупилась, слегка порозовев, и кивнула:

— Да... Я лишь хочу, чтобы он всю жизнь любил только меня одну.

Лицо Главы Зала озарила милосердная улыбка:

— Твой приход сюда — знак предначертанного свыше. Раз уж судьба привела тебя к нам, я окажу тебе особую милость. Возьми этот талисман. Дома сожги его, раствори пепел в воде и напои своего возлюбленного.

Девушка достала оберег, полученный ранее:

— Разве он отличается от этого?

Глава Зала загадочно усмехнулась:

— Тот — для всех, а этот я дарую лишь тем, кто отмечен особой судьбой. С ним твой мужчина вовек не посмотрит на другую. Но помни: всё должно остаться в тайне. Ни одна живая душа не должна узнать об этом, особенно твой суженый.

Пока она говорила, из бронзовой курильницы в углу поплыла приторно-сладкая струйка дыма. Вкрадчивый голос Главы Зала казался невероятно убедительным, мягко усыпляя бдительность и подчиняя волю.

В глазах барышни на мгновение промелькнула сонная дымка, но она тут же безмятежно улыbnулась и бережно спрятала талисман. Выудив из широкого рукава ещё одну увесистую пачку ассигнаций, она протянула их женщине:

— Премного благодарна вам, Глава Зала! Пожалуйста, примите это скромное подношение за вашу доброту.

Хозяйка покоев замахала руками, разыгрывая вежливый отказ. Гостя, не став настаивать, послушно убрала деньги обратно в рукав.

— Глава Зала поистине чиста помыслами и бескорытна! Я непременно расскажу о вашем монастыре всем подругам, пусть тоже приходят!

Стоило розовому подолу скрыться за дверью, как благообразная кротость мгновенно слетела с лица женщины. Она брезгливо сплюнула на пол:

— Ну и дура набитая! Неужели не ясно, что я отказывалась чисто ради приличия?!

Ворча под нос ругательства, она схватила чашку с недопитым чаем и выплеснула её содержимое прямо в курильницу. Приторная сладость тут же испарилась, уступив место тошнотворному, удушливому смраду.

Внутри чаши шипело и плавилось вовсе не благовоние — там догорало уродливое, антрацитово-чёрное насекомое.

<http://bllate.org/book/20384/2298286>